

КУЛЬТУРА. ВОСПИТАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ.

УДК 82.992+159.923.2

КОГНИТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА (кросс-культурный аспект)

С.М. САКИЕВА

Аннотация. Публикация в «Современнике» повести Султан Кази-Гирея «Долина Ажитугай» вводит национальную художественную традицию в литературно-эстетическое пространство общерусской культуры. Это свидетельство не только благотворного влияния русской литературы, но и всемирной отзывчивости адыгского художественного наследия XIX века, его диалогичности.

Ключевые слова: Султан Кази-Гирей; А.С. Пушкин; русская классическая литература; адыгское художественное наследие.

Концепции диалога (диалогичности, диалогических отношений) как бытийной универсалии представляют малоизученное звено гуманитарного знания в национальном адыгском литературоведении.

Между тем, «родственное внимание к миру», «творческое поведение» (М. Пришвин) стимулируют созидательную активность коммуникативных актов. Межличностные коммуникации имеют художественные и жизненные аналоги в культурно-исторических и литературно-художественных истоках многих литератур Северного Кавказа.

Опыт внедрения диалогических отношений в высоком смысле этих слов представлен в творческой деятельности Пушкина-журналиста.

Журнал «Современник» стал своеобразной творческой лабораторией пушкинского гения. В нем он готовил читателя новой России к другому уровню мировоззрения и миропонимания, продолжая традицию лучших отечественных журналов, в частности журналов Н.И. Новикова. Явления эти сопоставимы в плане новаторских исканий, повлиявших на все развитие русской литературы.

Адрес для корреспонденции: ул. Ленина, 29, 369202, г. Карачаевск, КЧР, Россия

Тел.: +7(87879) 2-20- 58.

E-mail: chirkot@yandex.ru

Подбор и публикация статей в журнале А.С. Пушкина «Современник» носит не случайный характер. Он был в поисках новых путей в художественном творчестве переосмысливаемых в связи с живой практикой русской литературы. Все менялось в художественной структуре: предмет изображения, фон и окружение, выдвигание фона в качестве философски-значимого предмета изображения. Внутренний механизм этих перемен находил отражение в разных категориях эстетики. Публикации в журнале Пушкина наглядно это демонстрируют. Мы останавливаемся на публикации повести Султана Кази-Гирея «Долина Ажитугай» в первой книге журнала «Современник», поскольку – «явление неожиданное» «сына полудикого Кавказа» — одно из доказательств поисков этих новых путей.

В первой книге журнала «Современник» было опубликовано «Путешествие в Арзрум». До этого отрывок «Военная грузинская дорога» был напечатан в шестом номере «Литературной газеты» за 1830 год. В предисловии к изданию Пушкин делает весьма примечательное замечание, указывающее на позицию, новую для читающей публики, которая хотела бы видеть в нем прежнего певца Кавказа: «Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта» [2, с. 233].

Один из центральных эпизодов «Путешествия в Арзрум» - размышления о Грибоедове. Воспоминания о его судьбе, суждения о его месте в истории России указывают на внимание Пушкина к личности неординарной, но исключительной, изображаемой в новом ракурсе, на фоне «могучих обстоятельств». «Люди верят только славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою», или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе» [там же, с.452].

Отрывок о Грибоедове видится как законченное произведение, в центре которого новый герой пушкинской прозы, родственные образам «Повестей Белкина», «Капитанской дочки». В небольшом по объему эпизоде в свойственной Пушкину манере, скрывается целый мир. Трагизм человеческого существования, власть «могучих обстоятельств», простота и естественность интонационного рисунка, в котором соседствуют размышления о «мгновенной и прекрасной смерти» с замечанием о том, что «мы ленивы и нелюбопытны» дают образец прозы другой генерации. Как бы наперекор критикам, которые «бранили» его в русских журналах, Пушкин опровергает в «Путешествии в Арзрум» устоявшиеся каноны.

Его «Путешествие в Арзрум» следует традиции жанра путешествий в русской прозе конца XVIII начала XIX века в плане философского осмысления русской истории, но ломает привычные и ставшие бременем для Пушкина стереотипы, через которые привыкли принимать его творчество и критика, и читатели в «любезном отечестве».

«Бывают странные сближения», - заметил Пушкин. «Сближение гениального поэта и никому неизвестного автора повести «Долина Ажитугай» Султана Кази-Гирея из провидческих догадок великого гения. В послесловии к «Долине Ажитугай» Пушкин писал: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Кази-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения» [1, с.70].

Обращают на себя внимание строки: «в нашей литературе», «ряды наших писателей». Это безоговорочное стремление приобщить начинающего литератора к категории отечественных авторов говорит не только о «всемирной отзывчивости» Пушкина, но и, в какой-то мере, уравнивает Султана Кази-Гирея с теми, кого великий русский поэт считал собратьями по перу. Пушкина, как видно из его слов привлекает образ автора-повествователя, соединившего в себе черты личности «замечательной», по выражению самого поэта. Европейская цивилизованность сочетается в нем с «привычками и преданиями народа, русский офицер, которого завораживает блеск «штыка-молодца», помнит «чувство ненависти к России, волновавшее его отроческое сердце», магометанин с благоговением размышляет о кресте, «этой хоругви Европы и просвещения».

Такой характер не мог не привлечь Пушкина, искавшего героя, способного «круто повернуть свою жизнь, совершить крутой поворот в судьбе», вместо безвестности встать «наряду с первыми нашими писателями». Герой новой прозы, рожденный «могучими обстоятельствами», не мог исчезнуть, «не оставляя следов» [3, с.135].

Повесть «Долина Ажитугай» написана во многом под впечатлением, если не самого пушкинского «Путешествия в Арзрум», то, по крайней мере,

под воздействием идей и мыслей поэта. Султан Кази-Гирей мог познакомиться с отрывком из «Путешествия», опубликованном в «Литературной газете» в 1830 году. Об этом говорят многие вещи. В первую очередь - это размышление о судьбе своего народа. «Что делать с таким народом?» - спрашивал Пушкин в «Путешествии в Арзрум», предлагая свой план преобразования жизни «хищных черкесов». Путешественник в «Долине Ажитугай» тоже пытается ответить на этот вопрос. Тюрьма Темнолесской крепости — «гроза хищных черкесов» (заметим, совпадение!), следы кровопролитной битвы 1815 года между горцами и русскими, уничтожившей все, «что дышит жизнью», все печальные «следствия губительной войны» заставляют этот странный, «не европейский», но и не «туземный» ум задуматься над «тысячью планов для его преобразования». Личность путешественника притягательна своей многогранностью, способностью изменяться вместе с обстоятельствами жизни. Автор-повествователь заостряет внимание на внутренней логике развития характера, цельного, но не однолинейного, а психологически сложной, изменчивой души. Но это не романтическое противопоставление природы и цивилизации. Не «тоска душных городов», не трагедия «лишнего» в своем краю человека. Герой повести удивительно органичен. Недавно он «вихрем носился на коне в этом разгульном крае», а теперь рассуждает «о теории образования народов». Он влюблен в картины своей «дикой родины», но и «прелестные декорации волшебной оперы» увлекают его взоры. Он останавливается на ночлег у людей, которым «грозил враждою», он «русским офицером» стоит на поле, которое служило ему когда-то местом упражнения в воинских приемах против русских. Но сомнения не разъедают его душу. Дитя нового времени, он с удивительной логичностью анализирует все состояния своей натуры, не пускаясь подобно романтическому герою в бездну разъедающих сердце сомнений. Поэтические картины родной природы, лес, река, холмы, благоухающие луга заставляют увлажниться слезами его глаза, но запах «американского табака» возвращает к реалиям, душа уже перенеслась мыслью к чужим берегам, «живет в чужой земле». Жизнь всегда трагична, но ощущение трагичности бытия, подчинение воли «могучих обстоятельств» создается не романтической духовностью, а сочетанием иронии, переплетающейся с романтикой. Герой-повествователь оглядывает свою родину с высоты. На каком расстоянии это увидено? Расстояние здесь определяется не высотой утеса, а временем, изменившим путешественника. Пространство линейной перспективы превращается в «пространство души», по выражению С. Аверинцева. Долина, которую видит

герой, не только часть ландшафта, но «земная юдоль». Как видим, ориентация на реалистическую традицию не уничтожила национальную, родовую мету, связывающую автора с мифологической поэтикой.

Диалогичность персонажа, открытость текста, который не, завершен в себе, так как «точку ставит не автор, а читатель», требуют чтения активного, скорее сотворчества, чем механической работы, в том пространстве культурной памяти, которая объединяет автора и читателя.

Своеобразие поэтики повествования состоит в органическом сочетании элементов сказовой манеры адыгского фольклора с приемами приемами русской классической литературы. Именно этот сложный синтез создает новый тип поэтической эмоциональности.

Публикация в «Современнике» повести «Долина Ажитугай» - огромная заслуга великого русского поэта. Она вводит национальную художественную традицию в единое литературно-эстетическое пространство общерусской культуры, рассматривая творчество адыгского писателя в общероссийском творческом контексте. Это свидетельство не только несомненного благотворного влияния и внимания русской литературы, но и «всемирной отзывчивости» адыгского художественного наследия XIX века, его диалогичности. «Стремясь по следам гения», автор «Долины Ажитугай» расширил границы культурной памяти, заставляя читателя вернуться к давно ушедшим событиям и осмыслить их по-новому.

Список литературы

1. Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. - М.: Правда, 1988. – 700 с.
2. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Том 6. Изд. 4-е. – Л.: Наука, 1978 – 560 с.
3. Хакуашев, А.Х. Адыгские просветители. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 219 с.

References

1. *Posledniy god zhizni Pushkina: Perepiska. Vospominaniya. Dnevniki* (Last year Pushkin's lives: Correspondence. Memoirs. Diaries). – Moskva, 1988. 700 s.
2. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 tomakh. Tom 6* (Complete works in 10 volumes. Vol. 6). Izd. 4-e. – Leningrad, 1978 560 p.
3. Khakuashev A. Kh. *Adygskkiye prosvetiteli* (Adygea educators) – Nalchik, 1978. 219 p.

**COGNITIVE INTENTION OF ARTISTIC DIALOGUE
(cross-cultural aspect)
SVETLANA SAKIEVA**

Abstrakt. Publication in «Sovremennik» of the story by Sultan Kazy-Girey «Azhitugay Valley» brings national artistic tradition into the literary and esthetic space of all-Russian culture. This is the illustration of not only beneficial influence of Russian literature, but also a "world-wide response» of the Adygei artistic heritage of the XIX century and its dialogueness.

Keywords: Sultan Kazy-Girey; «Azhitugay Valley»; Adygei artistic; Alexander Pushkin; the Russian classical literature.

© Сакиева С.М., 2014.

Поступила в редакцию 21.11.2014.

УДК 821.111-3.09“19”+37.017.7

**БРИТАНСКАЯ ШКОЛА
И СТАНОВЛЕНИЕ «АНГЛИЙСКОГО ХАРАКТЕРА»
В ТВОРЧЕСТВЕ Э.М. ФОРСТЕРА**

Д.О. ПОЛОВЦЕВ

Аннотация. Статья рассматривает систему воспитания, социализацию и становление «английского характера» в творчестве классика английской литературы Э.М. Форстера. Автор приходит к выводу, что результатом обучения в английских школах является воспитание людей с «неразвитыми сердцами». Более того, мир героев с «неразвитыми сердцами» закрыт для мира Другого.

Ключевые слова: Э.М. Форстер; «развитое – неразвитое сердце»; английский характер; британская школа; автобиографический роман.

При анализе романов и рассказов классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879 – 1970) необходимо иметь в виду, что дихотомия «развитое – неразвитое сердце» (по терминологии самого прозаика), пронизывающая все его творчество, явля-

Адрес для переписки: Московский проспект, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь.

Тел.: +375(212) 58-96-73.

E-mail: dzianispol@list.ru